

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Хохлова А.Д. Защита правомерных (законных) ожиданий как ключевой аспект принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства: зарубежные и российский подходы // Юридические исследования. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.4.74320 EDN: IUJKBQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74320

Защита правомерных (законных) ожиданий как ключевой аспект принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства: зарубежные и российский подходы

Хохлова Алина Дмитриевна

ORCID: 0000-0003-4669-0978

ассистент кафедры публичной политики и истории государства и права юридического института
Федерального государственного автономного учреждения высшего образования "Российский
университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы"
аспирант кафедры конституционного права и конституционного судопроизводства Российского
университета дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ khokhlova_ad@pfur.ru

[Статья из рубрики "Человек и государство"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.4.74320

EDN:

IUJKBQ

Дата направления статьи в редакцию:

29-04-2025

Дата публикации:

06-05-2025

Аннотация: Актуальность исследования принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства обусловлена его ключевой ролью в обеспечении стабильности правовых систем и легитимности государственного управления. Противоречия между, с одной стороны, принципом поддержания доверия к действиям властей, требующего правовой определенности и стабильности, и гибкостью государственного управления — с другой стороны — подчеркивают необходимость

системного анализа механизмов реализации анализируемого принципа. Цель работы — выявление теоретических и практических аспектов применения защиты правомерных (законных) ожиданий как элемента принципа поддержания доверия к действиям властей в контексте сравнительного правоведения, а также определение его места в российской правовой системе через синтез зарубежного опыта и национальных правоприменительных тенденций. Методологическая основа включает сравнительно-правовой анализ зарубежных доктрин и российской практики, историко-правовой метод реконструкции эволюции принципа и формально-юридический анализ нормативных актов и решений Конституционного Суда РФ. Научная новизна исследования заключается в системном рассмотрении взаимодействия законных ожиданий с институтами процессуальной справедливости и правовой определенности в различных юрисдикциях, синтезе зарубежных концепций (например, немецкого принципа защиты доверия, французской юридической безопасности, англо-американских законных ожиданий) с российскими правоприменительными подходами. В работе предпринята попытка классификации оснований возникновения правомерных (законных) ожиданий (индивидуальные заверения, устоявшаяся практика, нормативные акты). Результаты исследования выявили различия в интерпретации доктрины в правовых системах: процессуальная защита в Великобритании, компенсационная модель во Франции, конституционный принцип доверия в Германии, приоритет общественных интересов в Канаде и Австралии. Российский принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства включает в себя разграничение «законных» и «правомерных» ожиданий, и реализуется через законотворческий и правоприменительный аспекты. Критический анализ выявил противоречия и проблемы практической реализации анализируемого принципа, позволив сформулировать тенденции дальнейшего его развития: унификация критериев оценки ожиданий, включая чёткое определение оснований их возникновения, критериев законности и механизмов защиты. Практическая значимость работы связана с возможностью использования её выводов для совершенствования законодательства и судебной практики, включая разработку критериев баланса между защитой правовых ожиданий и гибкостью государственного управления.

Ключевые слова:

принцип поддержания доверия, законные ожидания, правомерные ожидания, правовая стабильность, верховенство права, Конституционный Суд РФ, сравнительно-правовой анализ, правовая определенность, процессуальная справедливость, баланс интересов

Введение

Актуальность исследования принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства обусловлена его ключевой ролью в обеспечении стабильности правовых систем и легитимности государственного управления. В условиях динамичного развития общественных отношений и усложнения механизма государственного регулирования сохранение доверия общества к государству обеспечивается в первую очередь соответствием между, с одной стороны, ожиданиями участников правоотношений от государства и закона, и, с другой стороны, действиями представителей государства в лице законодательных и правоприменительных органов. Поддержание доверия граждан к закону и действиям властей как неотъемлемый элемент верховенства права не может не служить полем для столкновения интересов публичной

власти и правомерных ожиданий частных лиц, что предопределяет непрерывный поиск механизмов обеспечения баланса между указанными интересами. Несмотря на значительное число работ, посвященных законным ожиданиям в зарубежной доктрине (в российской юридической науке и практике наиболее точным термином-аналогом выступают «правомерные» ожидания), в отечественной науке вопросы генезиса и практической реализации данного принципа остаются недостаточно изученными, что обуславливает необходимость комплексного анализа как зарубежного опыта, так и российских правоприменительных тенденций. Особую значимость приобретает исследование противоречий между принципами законности и правовой определенности (сохранение которой способствует поддержанию доверия общества к государству), возникающих при изменении государственной политики, а также оценка критериев, позволяющих учитывать общественные и частные интересы в подобных конфликтах.

Целью работы является выявление теоретических основ и практических аспектов применения принципа защиты правомерных (законных) ожиданий как ключевого элемента принципа поддержания доверия к действиям властей в контексте сравнительного правоведения, а также определение его места в российской правовой системе. **Предмет исследования** включает нормативные, доктринальные и прецедентные источники, раскрывающие содержание правомерных ожиданий, историческое развитие указанной доктрины и современную ее интерпретацию в правовых системах континентальной и англосаксонской семей.

Методологическую основу исследования составили *сравнительно-правовой анализ*, позволивший выявить специфику подходов к законным ожиданиям в английском, немецком, европейском и российском праве, а также *историко-правовой метод*, примененный для реконструкции эволюции анализируемого принципа от судебных решений 1970-х гг. до современных толкований. Важную роль сыграл *формально-юридический анализ* российских нормативных правовых актов и судебной практики, включая решения Конституционного Суда РФ, что позволило определить особенности реализации аналогичного принципа защиты правомерных ожиданий в отечественном правовом пространстве.

Научная новизна исследования заключается в системном рассмотрении принципа правомерных (законных) ожиданий через призму его взаимодействия с институтами процессуальной справедливости, правовой определенности и добросовестности власти. В работе предпринята попытка синтезировать зарубежные теоретические концепции (такие, как немецкий принцип защиты доверия (Vertrauensschutz), французская концепция юридической безопасности (sécurité juridique) или англо-американские законные ожидания (legitimate expectations)) с российскими правоприменительными подходами, а также определить критерии разграничения «законных» и «правомерных» ожиданий, что вносит вклад в развитие отечественной доктрины конституционного права. Кроме того, авторским вкладом является анализ прецедентов, демонстрирующих зависимость защиты ожиданий от характера государственных гарантий (индивидуальные заверения, устоявшаяся практика, нормативные акты), что расширяет понимание условий применимости принципа в публично-правовых отношениях.

Исторический контекст доктрины законных ожиданий

Доктрина законных ожиданий сформировалась в юридической практике (прежде всего, Великобритании) во второй половине XX века, получив первоначальное оформление в решении по делу *Schmidt v. Secretary of State for Home Affairs* (1969) Судья лорд М. Р. Деннинг обосновал право иностранного гражданина, получившего разрешение на въезд

в Великобританию, оспаривать его досрочную отмену, подчеркнув, что лица вправе ожидать выполнения государством взятых на себя обязательств, а «защита законных ожиданий лежит в основе конституционного принципа верховенства права» (дело *Schmidt v Home Office (1969)*). Это решение заложило основу для развития доктрины защиты законных ожиданий в английском административном праве, хотя аналогичные принципы ранее применялись в европейской практике. Примером, иллюстрирующим принципиальный подход европейских судов, является дело *E.C. Commission v. E.C. Council (1973)*, где Европейский суд указал на необходимость соблюдения прецедентных решений для обеспечения стабильности правового регулирования в целях «защиты законного доверия». В странах континентальной правовой семьи развивались аналогичные, однако терминологически отличные идеи: акцент был смещен на «доверие» к государству, в отличие от англосаксонской традиции, где утвердился термин «ожидания», отражающий фокус на предсказуемости действий власти [\[1, p. 359\]](#).

В английской правовой системе законные ожидания делятся на процессуальные и материальные. Процессуальные связаны с гарантией соблюдения установленных процедур. Например, в деле *R. v. Secretary of State for the Home Department, Ex parte Khan (1980)* суд обязал министерство внутренних дел следовать собственным правилам рассмотрения заявлений об усыновлении, подчеркнув, что изменение политики без соблюдения процедур слушаний допустимо лишь в исключительных случаях: «когда государственный орган обещает следовать определенной процедуре, в интересах надлежащего управления он должен действовать справедливо и выполнять свое обещание до тех пор, пока выполнение не противоречит его уставным обязанностям». Таким образом, процессуальные законные ожидания предполагают право на процессуальную справедливость (право быть выслушанным в отношении обстоятельств, «разочаровывающих» ожидания лица).

Материальные ожидания в свою очередь затрагивают непосредственные интересы лиц, например, право на получение социальных благ. Так, в деле *R. v. Ministry of Agriculture, Fisheries and Food, ex p. Hamble (Offshore) Fisheries Ltd. (1995)* суд признал недопустимым отзыв лицензии у компании, если это нарушает её законные ожидания, несмотря на изменение государственной политики. Однако позже Апелляционный суд в деле *R. v. Secretary of State for the Home Department, ex parte Hargreaves (1997)* отметил, что свобода пересмотра политики властями остаётся конституционным принципом, что подчёркивает сложность баланса между правовой определенностью, стабильностью и предсказуемостью регулирования в целях поддержания доверия общества и гибкостью государственного управления и его способностью оперативно реагировать на динамику общественных отношений.

Анализ зарубежной судебной практики показывает, что законные ожидания формируются под влиянием различных факторов: публичных заявлений, устойчивой практики или нормативных актов. Разнообразие подходов к их признанию в разных правовых системах (от прямых обещаний до подразумеваемых гарантий) требует систематизации критериев, определяющих их законность и защиту. Это обуславливает необходимость классификации оснований возникновения законных ожиданий, которая позволит выявить универсальные принципы и особенности их применения в контексте национальных правовых традиций.

Классификация оснований возникновения законных ожиданий в зарубежной правовой доктрине и практике

Доктрина законных ожиданий, несмотря на длительную историю развития, остается

концептуально неоднозначной и лишенной универсальных критериев применения^[2, p. 633; 3, p. 61]. Ее генезис, связанный с судебским правотворчеством в системе общего права, привел к фрагментарности толкования, что проявляется в неоднородности судебной практики. Суды нередко подменяют ею иные правовые принципы или используют избыточно, игнорируя наличие альтернативных механизмов защиты. При этом сами английские судьи признают, что «концепция (доктрина, принцип, называйте это как хотите) законного ожидания <...> в настоящее время используется так широко и разнообразно, что пришло время изучить, какую реальную помощь можно извлечь из этого» (дело *R v Devon CC; ex parte Baker (1995)*). Эта неопределенность стимулировала появление множества классификаций оснований формирования законных ожиданий, особенно в административном праве, где их защита наиболее востребована из-за широких дискреционных полномочий государственных органов.

Так, например, Европейский суд справедливости связывает ожидания с четкими заверениями органов власти, нормативными актами, ошибочными действиями администрации или избирательными выгодами для определенных групп^[4].

П. Крейг выделяет четыре сценария возникновения законных ожиданий:

- (1) изменение ранее принятой общей для всех политики;
- (2) отклонение от нее в конкретном случае;
- (3) применение в отношении конкретного лица индивидуальных обещаний (разъяснений), которые государственный орган нарушает в свете смены политики;
- (4) принятие в отношении лица решений, противоречащих первоначально данным ему разъяснениям (обещаниям)^[5, pp. 679-680].

Особое внимание заслуживает подход австралийской исследовательницы П. Тейт^[6, pp. 27-28, 39-40], которая систематизировала ключевые контексты формирования обоснованных ожиданий в административном праве. Её классификация включает шесть основных категорий.

Во-первых, установившаяся практика государственных органов: если в аналогичных случаях решения принимались по единой схеме, лица вправе ожидать аналогичного подхода. Например, если налоговая служба многократно продлевала сроки уплаты сборов для определённой категории плательщиков, внезапное отклонение от этой практики без веских причин может нарушить законные ожидания.

Во-вторых, прямые заверения должностных лиц: чёткие обещания, данные государственными органами, создают обязательства их выполнить. Классическим примером служит циркулярное письмо в ранее упомянутом деле *R. v. Secretary of State for the Home Department, Ex parte Khan (1980)*, в котором министерство гарантировало заявителю соблюдение определенной процедуры выдачи разрешений на усыновление, а последующий отказ в их предоставлении был признан необоснованным.

В-третьих, подразумеваемые гарантии, когда даже без явных заявлений поведение администрации создаёт у заявителя уверенность в определённом исходе. Например, если орган власти неоднократно принимал документы с незначительными нарушениями формальностей, резкий отказ в регистрации подобного заявления может быть расценен как нарушение ожиданий.

В-четвертых, прозрачные и предсказуемые процедуры принятия решений: если механизм рассмотрения обращений заранее известен и понятен, лица вправе рассчитывать на его соблюдение.

В-пятых, законодательная база: нормативные акты, детально регламентирующие действия власти, формируют ожидания их неизменного исполнения.

Наконец, в-шестых, социальные ценности и государственная политика: если практика органов соответствует общепринятым принципам справедливости, лица могут ожидать учета этих ценностей в решениях государственных органов.

Подход П. Тейт подчёркивает, что защита ожиданий не сводится к формальным критериям, а требует анализа контекста, включая осведомлённость заявителя о практике власти и её последовательность.

Основным критерием оспаривания решений становится нарушение разумных ожиданий, порожденных действиями государства. Однако отсутствие единообразия в трактовке «правомерности» ожиданий, а также в подходах к учету субъективного элемента (осведомленности лица о существующей практике) оставляет вопросы о границах доктрины открытыми. Эти противоречия подчеркивают необходимость сравнительного анализа интерпретации законных ожиданий в различных правовых системах, что позволит выявить общие принципы и специфические подходы к обеспечению баланса между стабильностью правового регулирования и гибкостью государственного управления.

Сравнительный анализ интерпретации доктрины законных ожиданий в зарубежных правовых системах

Современную концепцию материальных законных ожиданий в английском праве демонстрирует прецедент *R. v. North and East Devon Health Authority, ex p Coughlan (2001)*. Заявительница, получившая тяжелую инвалидность, была помещена в специализированное учреждение, где Управление здравоохранения Девона гарантировало пожизненное проживание. Однако в 1998 году Управление, ссылаясь на высокие расходы, решило закрыть учреждение. Суд признал решение незаконным, подчеркнув, что материальные ожидания заявительницы, основанные на прямых заверениях власти, требовали выполнения обещаний, а закрытие учреждения не служило значимым общественным интересам, а лишь цели сокращения финансовых расходов. Этот случай закрепил подход, согласно которому судьи должны балансировать между защитой законных ожиданий и учетом общественных интересов, хотя позднее суды стремились скорректировать его, подчеркивая уважение к законодательной деятельности (см., например, дело *R (Bibi) v. Newham London Borough Council (2001)*).

Анализ зарубежной практики выявляет различия в толковании доктрины. Английское право фокусируется на процессуальных аспектах ожиданий, тогда как право ЕС предоставляет защиту в основном ожиданиям материальным. Так, в деле, рассмотренном 22 января 2009 года («Булвес АД» против Болгарий), ЕСПЧ признал обоснованным материальное ожидание компании получить выгоду от признания права на вычет входящего налога на добавленную стоимость.

Во Франции защита ожиданий реализуется через компенсацию ущерба, а не процессуальные ограничения, опираясь на принципы «правовой безопасности» (*sécurité juridique*)^[7, p. 55]. В Германии концепция *Vertrauensschutz* (защита доверия) признает материальные ожидания, даже если обещание противоречит законодательным актам^[8],

как в прецеденте 1956 года, где суд отменил требование возврата социальных выплат, несмотря на незаконность их назначения, учитывая уязвимость заявительницы [\[9, p. 243\]](#).

В Канаде защита материальных ожиданий ограничена, а пересмотр политики властей допускается, если это служит общественным интересам: «именно министр [правотворец – прим. автора] определяет, оправданы ли общественные интересы нарушением материальных законных ожиданий» (*Mount Sinai Hospital Center v. Quebec (Minister of Health and Social Services) (2001)*). Аналогичный подход наблюдается в Австралии: «правительствам требуется возможность пересматривать политику, направленную на осуществление дискреционных полномочий, даже если это может привести к большой несправедливости по отношению к людям, которых затрагивает эта политика» [\[10, p. 498\]](#).

Таким образом, доктрина законных ожиданий варьируется в зависимости от правовой системы: от процессуальной защиты (Великобритания) до компенсационной модели (Франция) и конституционного принципа доверия (Германия).

Суды стремятся балансировать между стабильностью правового регулирования и гибкостью государственной политики, что порождает противоречия, особенно в странах общего права.

Сравнительный анализ правоприменительных подходов к интерпретации концепции законных ожиданий в иностранных юрисдикциях позволяет прийти к следующим выводам.

Общие принципы, лежащие в основе анализируемого принципа в большинстве правовых систем – это, во-первых, баланс интересов, предполагающий, что суды стремятся найти компромисс между защитой законных ожиданий, сохранением стабильности, поддержанием доверия к государству и гибкостью управления, предполагающей возможность пересмотра административных политик, учет изменяющихся общественных потребностей. Во-вторых, в большинстве проанализированных юрисдикций правоприменители стремятся учитывать общественные интересы: даже в странах с сильной защитой материальных ожиданий, таких, как Германия, Франция, суды допускают «разочарование» ожиданий, если это оправдано значимыми общественными целями. Логично, что и в Канаде, отвергающей концепцию материальных ожиданий, суды подчеркивают, что министр вправе нарушить ожидания, если это служит общественным интересам. Разница между данными правовыми системами состоит только в степени значимости обеспечиваемых публичных целей, противопоставляемых частным ожиданиям конкретного лица.

Наконец, практически во всех государствах защита ожиданий связана с соблюдением процессуальных норм и обеспечением процедурной справедливости.

Среди подходов к механизмам защиты или восстановления нарушенных ожиданий можно выделить следующее.

1. Процессуальная защита (Англия и Уэльс): суды ограничиваются проверкой соблюдения процедур, редко вмешиваясь в суть принятых административных решений. Пример такого исключения – дело *R. v. North and East Devon Health Authority, ex p Coughlan (2001)*, где решение было изменено судом по существу как нарушающее ожидания, явно несправедливое и не оправданное общественными интересами.

2. Материальная защита (Европейский Союз): суды ЕС защищают ожидания, даже если это ограничивает гибкость управления, стремясь обеспечить единство правового поля

(акцент на гармонизацию законодательства и защиту экономических интересов).

3. Компенсационная модель (Франция): вместо запрета на изменение политик суды требуют компенсации ущерба, вызванного нарушением ожиданий (принцип *sécurité juridique*).

4. Конституционный принцип защиты доверия (Германия): защита ожиданий, основанных даже на незаконных актах, учет уязвимости лиц, чьи ожидания пострадали.

5. Приоритет общественных интересов (Канада и Австралия): административные органы вправе пересматривать политику и менять свои решения, даже если это приводит к несправедливости для отдельных лиц, так как суды ориентированы в первую очередь на уважение дискреции властей и обеспечение гибкости государственного управления, необходимой для его эффективности.

Ключевые различия в подходах представлены в *Таблице 1*:

Страна	Метод защиты ожиданий	Роль суда	Приоритет
Великобритания	Процессуальный контроль	Ограниченное вмешательство	Стабильность через процедуры
Германия	Конституционный принцип	Активное восстановление справедливости	Доверие к государству
Франция	Компенсация ущерба	Коррекция последствий, а не решений	Правовая безопасность
Канада/Австралия	Минимизация защиты	Уважение к дискреции властей	Гибкость управления

Таблица 1. Ключевые различия между зарубежными подходами к соотношению законных ожиданий и гибкостью государственного управления

Несмотря на то, что доктрина законных ожиданий укрепила защиту частных лиц от произвольных действий власти, её реализация сталкивается с теоретическими и практическими сложностями. Неоднозначность критериев формирования ожиданий и их юридической значимости, противоречия между принципами законности и справедливости, а также разночтения в национальных юрисдикциях требуют переосмысления роли доктрины в современном праве и подчеркивают актуальность ее критического анализа. Эти вопросы лягут в основу дальнейшего анализа альтернативных моделей и критических возражений.

Доктрина законных ожиданий, сформировавшаяся в рамках англо-саксонской правовой системы, остается одной из наиболее дискуссионных категорий административного права. Несмотря на многолетнюю эволюцию, её применение продолжает вызывать споры среди ученых и судей, что связано с неоднозначностью трактовки оснований возникновения ожиданий и критериев их защиты. Критический анализ, предложенный профессором Мельбурнского университета Джейсоном Варухасом, позволяет выделить ключевые проблемы, которые иллюстрируют сложности в разграничении доктрины законных ожиданий и смежных правовых принципов.

Критика доктрины: «ложные» законные ожидания (по Дж. Варухасу)

Дж. Варухас, анализируя практику судей общего права, выделил четыре категории дел, которые ошибочно классифицируются как связанные с законными ожиданиями, но на деле требуют иного правового подхода.

Изменение общей политики. Суды часто апеллируют к доктрине, когда государственные органы пересматривают политику, что, по мнению данного автора, противоречит принципу свободы усмотрения администрации. Например, в делах, где суды оценивают достаточность переходных мер при изменении законодательства, более уместно ссылаться на принципы рациональности и пропорциональности, а не на «ожидания», возникшие из общей практики. Критикуя подход лорда Вульфа в деле *Coughlan*, профессор подчеркивает, что защита ожиданий, основанных на политике, неизбежно ограничивает гибкость управления, делая государственные институты заложниками прошлых решений.

Отступление от устоявшейся практики. Случаи, когда орган власти отклоняется от собственных правил без объяснений, автор относит к сфере действия принципа последовательности, а не законных ожиданий. Например, в деле *Khan* суд защищал не ожидания заявителя, а требование соблюдения процедур, описанных в циркулярах. Здесь ключевым становится вопрос о прозрачности административных действий, а не субъективных ожиданиях граждан.

Секретная практика. Дела, связанные с неопубликованными правилами, Дж. Варухас предлагает рассматривать через призму принципа верховенства права, требующего публичности государственных решений, поскольку, по мнению автора, сама суть доктрины, как ее применяют в странах общего права, состоит в том, что ожидание предполагает наличие у лица субъективного отношения к действиям органов государственного управления и представления о том, какими эти действия должны быть в соответствии с принятой практикой, что невозможно, если лицо не знает о самой практике. Так, в деле *Lumba (R (Lumba) v Secretary of State for the Home Department (2012))* суд подчеркнул, что администрация должна следовать опубликованным нормам, а отступления допустимы лишь при наличии исключительных обстоятельств.

Отмена долгосрочных льгот. Хотя такие ситуации часто ассоциируются с законными ожиданиями, в том числе в практике Конституционного Суда РФ, упомянутый исследователь указывает на неуместность применения в данной категории дел принципа защиты законных ожиданий, ссылаясь на исчерпавшую себя историческую обусловленность применения анализируемой доктрины в таких делах: в эпоху, когда процессуальные гарантии защищали только закрепленные права, а не интересы лица, законные ожидания стали инструментом восполнения правовых пробелов. Однако в современных условиях применение данной концепции избыточно, так как аналогичные цели можно достичь через принципы справедливости и недискриминации.

Дж. Варухас настаивает на сужении сферы применения доктрины, ограничивая её случаями явных обещаний или заверений со стороны государства, влияющих на интересы лица или группы лиц [\[11, p. 40\]](#).

Таким образом, законные ожидания не эквивалентны субъективным правам, а возникают в условиях, когда публичные органы, имея дискреционные полномочия, обязаны учитывать последствия изменений политики для частных лиц. Доктрина сформировалась как ответ на недостаточность традиционных правовых механизмов защиты интересов, требующих не только формальной законности, но и уважения разумных ожиданий, основанных на устоявшейся практике, заверениях властей или логике правового

регулирования.

Общей чертой всех случаев защиты ожиданий является конфликт между юридически значимым интересом, возникшим в момент X, и действиями государства в момент Y, которые ставят под сомнение этот интерес.

Российская правовая доктрина и практика: правомерные vs. законные ожидания

Конституционный Суд Российской Федерации отмечает схожесть зарубежного принципа защиты законных ожиданий с российским конституционным принципом поддержания доверия граждан к закону и действиям государства^[12]. Доверие к правовой системе, которое необходимо поддерживать, по мнению исследователей, предполагает соответствие между правовыми обещаниями государства и ожиданиями общества^[13]. В отличие от зарубежной доктрины, отечественная правовая наука разграничивает правомерные и законные ожидания как «целое» и «часть»^[14]: первые могут возникать даже при отсутствии прямого нормативного закрепления, тогда как вторые требуют обязательной опоры на законодательные акты^[15; 16].

Конституционный Суд РФ подтверждает это различие, указывая, что законные ожидания формируются на основе действующих норм (Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.2010 № 9-П; Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2018 № 13-П), а правомерные – отражают общую справедливость (Постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2016 № 15-П) и логику правового регулирования (Постановление Конституционного Суда РФ от 28.02.2012 № 4-П). Например, справедливое законодательство о налогах и сборах, устанавливающее налоги, приобретает свойство легитимности, если оно соответствует правомерным ожиданиям граждан. Таким образом, аналогом английской концепции «законных» ожиданий в России являются «правомерные» ожидания как наиболее близкие по своему смыслу к интерпретации судов общего права и выступающие элементом конституционного принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства.

Доверие в правовой системе выступает заменой личных договорённостей, гарантируя, что государство не станет действовать вопреки интересам граждан, даже обладая формальной свободой усмотрения. В российской практике принцип доверия реализуется через законотворческий и правоприменительный аспекты. В законотворчестве он выражается в требовании ясности, стабильности, определенности норм^[17; 18] (Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2001 № 8-П), запрета ретроактивных изменений, ухудшающих положение лиц (Определения Конституционного Суда РФ от 10.11.2016 № 2561-О, от 26.11.2018 № 3054-О, Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2019 № 41-П) и обязательного предоставления адаптационного периода в случае внесения изменений в правовое регулирование (Постановление Конституционного Суда РФ от 01.07.2015 № 18-П).

В правоприменении доверие общества к государству обеспечивается через соблюдение установленных процедур, защиту ожиданий, возникших из практики или разъяснений властей, и недопустимость правоприменительного произвола, формализма (Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2019 № 32-П) или неквалифицированного правоприменения (Постановление Конституционного Суда РФ от 05.03.2024 № 9-П).

Судебная практика должна обеспечивать единообразие решений, исключая противоречивые толкования (Постановление от 15 февраля 2019 года № 10-П). Кроме

того, независимость судов и справедливость решений, основанных на анализе фактов, укрепляют доверие к правосудию.

Таким образом, законотворческие и правоприменительные механизмы в России образуют систему, направленную на поддержание доверия через стабильность регулирования и добросовестность деятельности государственных органов, что является ключевым условием легитимности власти.

Выводы

Анализ доктрины законных ожиданий в контексте различных правовых систем позволяет констатировать её значимость как инструмента баланса между интересами государства и правами частных лиц. Несмотря на историческое формирование в рамках английского судейского права, где акцент делался на процессуальных аспектах, современная интерпретация доктрины в зарубежных юрисдикциях демонстрирует расширение её материальной составляющей. Так, в немецком праве принцип *Vertrauensschutz* подчеркивает защиту доверия граждан к действиям власти даже при конфликте с законностью административных решений, тогда как во французской практике акцент смещается на компенсационные механизмы, а не процессуальные ограничения. Европейский Союз, напротив, интегрирует доктрину в качестве основополагающего начала, пересматривая действия государств-членов через призму законных ожиданий, возникающих из законодательства, политики или руководящих принципов.

Критический анализ выявил ключевые противоречия: неопределённость критериев формирования ожиданий, конфликт с принципами верховенства права и рациональности государственной политики, а также избыточность доктрины в случаях, где её применение дублирует иные правовые механизмы (например, требование справедливости или последовательности). Практика Канады и Австралии, где материальные ожидания не получили широкого распространения, подтверждает, что защита доверия часто упирается в необходимость сохранения гибкости административного управления.

Российская правовая доктрина, интегрируя зарубежный опыт, трансформирует концепцию в принцип поддержания доверия, разграничивая «законные» ожидания, основанные на нормативных актах, и «правомерные», вытекающие из целей и логики правового регулирования. Это позволяет учитывать как формальные критерии законности, так и этические императивы добросовестности государства. Таким образом, универсализация принципа защиты ожиданий требует не только унификации подходов, но и гибкости в оценке конкурирующих интересов, где соблюдение правового статуса *quo* сочетается с возможностью законодателя реагировать на общественные вызовы, сохраняя при этом легитимность государственной власти в глазах граждан.

Перспективы развития доктрины связаны с унификацией подходов к её толкованию, включая чёткое определение оснований возникновения ожиданий, критериев их законности и механизмов защиты. Это требует не только совершенствования законодательства, но и активной роли судебной практики в разграничении зон конкуренции между публичными и частными интересами. Дальнейшие исследования должны быть направлены на выявление оптимальных моделей баланса между стабильностью правовых ожиданий и динамикой государственного управления в условиях глобализации.

Библиография

1. Usher J. The Influence of National Concepts on Decisions of the European Court //

European Law Review. 1976. N 28. P. 363.

2. Watson J. Clarity and Ambiguity: A New Approach to the Test of Legitimacy in the Law of Legitimate Expectations // Legal Studies. 2010. N 30 (4). Pp. 633-652. DOI: 10.1111/j.1748-121X.2010.00177.x.

3. Ahmed F., Perry A. The Coherence of the Doctrine of Legitimate Expectations // Cambridge Law Journal. 2014. N 73 (1). Pp. 61-85. DOI: 10.1017/S0008197314000026.

4. Барбук А. Защита законных ожиданий и прямое применение международного права // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2002. N 3. URL: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/2002-3/2002-3-barbuk> (дата обращения: 02.04.2025).

5. Craig P. Administrative Law (7th edn) // Sweet and Maxwell. 2012. Pp. 679-680.

6. Tate P. The coherence of "Legitimate Expectations" and the Foundation of Natural Justice // Monash University Law Review. 1988. V. 14. P. 68.

7. Forestini R. Les accords avec l'administration fiscale, in Dossiers du Journal des Tribunaux, num. n°40 // Bruxelles: Larcier Group. 2003. P. 154.

8. Brown C. The Protection of Legitimate Expectations As A 'General Principle of Law': Some Preliminary Thoughts // Transnational Dispute Management. 2009. N 1. URL: www.transnational-dispute-management.com/article.asp?key=1303 (дата обращения: 04.05.2025).

9. Forsyth C.F. The Provenance and Protection of Legitimate Expectations // The Cambridge Law Journal. 1988. V. 47. N 2. Pp. 238-260. DOI: 10.1017/S000819730011801X.

10. Groves M. N. Substantive Legitimate Expectations in Australian Administrative Law // Melbourne University Law Review. 2008. V. 32. N 2. Pp. 470-523.

11. Varuhas J. N. In Search of a Doctrine: Mapping the Law of Legitimate Expectations in "Legitimate Expectations in the Common Law World" (1 ed.) by Groves M.; Weeks G. // Oxford UK: Hart Publishing. 2017. P. 368.

12. Информация Конституционного Суда РФ "Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)" (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021) // СПС "КонсультантПлюс" (дата обращения: 04.05.2025).

13. Андрушин С. В. Применение принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства при разрешении налоговых споров // Налоговед. 2019. N 2. URL: <https://e.nalogoved.ru/706902> (дата обращения: 01.05.2025). EDN: YWANWX.

14. Макаренко Д. Г. Принцип доверия как детерминанта эффективного правового регулирования общественных отношений: правовое обеспечение // Мониторинг правоприменения. 2017. N 4(25). С. 15-22. EDN: XRWKTZ.

15. Афанасьев Д. В. Нюансы защиты имущества юридических лиц в Европейском суде по правам человека // Хозяйство и право. 2011. N 6. С. 28-39. EDN: UNYVOR.

16. Черновол К. А. Концепция правомерных ожиданий: европейский и российский опыт // Правоведение. 2019. Т. 63. N 1. С. 181-191. DOI: 10.21638/spbu25.2019.110. EDN: OJMDJC.

17. Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России // Москва: Норма, ИНФРА-М. 2011. 719 с. ISBN 978-5-91768-221-1 (Норма), 978-5-16-005138-3 (ИНФРА-М). EDN: SDQRMD.

18. Арапов Н. А. Принцип поддержания доверия к закону и действиям государства в российском конституционном праве и правосудии: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.02. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Санкт-Петербургский государственный университет". Санкт-Петербург. 2015. 277 с. EDN: XWTCFN.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, защита правомерных (законных) ожиданий как ключевой аспект принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства. Автор сосредоточил внимание на анализе соответствующих зарубежных и российского подходов. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта: "Методологическую основу исследования составили сравнительно-правовой анализ, позволивший выявить специфику подходов к законным ожиданиям в английском, немецком, европейском и российском праве, а также историко-правовой метод, примененный для реконструкции эволюции анализируемого принципа от судебных решений 1970-х гг. до современных толкований. Важную роль сыграл формально-юридический анализ российских нормативных правовых актов и судебной практики, включая решения Конституционного Суда РФ, что позволило определить особенности реализации аналогичного принципа защиты правомерных ожиданий в отечественном правовом пространстве".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Актуальность исследования принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства обусловлена его ключевой ролью в обеспечении стабильности правовых систем и легитимности государственного управления. В условиях динамичного развития общественных отношений и усложнения механизма государственного регулирования сохранение доверия общества к государству обеспечивается в первую очередь соответствием между, с одной стороны, ожиданиями участников правоотношений от государства и закона, и, с другой стороны, действиями представителей государства в лице законодательных и правоприменительных органов. Поддержание доверия граждан к закону и действиям властей как неотъемлемый элемент верховенства права не может не служить полем для столкновения интересов публичной власти и правомерных ожиданий частных лиц, что предопределяет непрерывный поиск механизмов обеспечения баланса между указанными интересами. Несмотря на значительное число работ, посвященных законным ожиданиям в зарубежной доктрине (в российской юридической науке и практике наиболее точным термином-аналогом выступают «правомерные» ожидания), в отечественной науке вопросы генезиса и практической реализации данного принципа остаются недостаточно изученными, что обуславливает необходимость комплексного анализа как зарубежного опыта, так и российских правоприменительных тенденций. Особую значимость приобретает исследование противоречий между принципами законности и правовой определенности (сохранение которой способствует поддержанию доверия общества к государству), возникающих при изменении государственной политики, а также оценка критериев, позволяющих учитывать общественные и частные интересы в подобных конфликтах". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем.

Научная новизна работы "... заключается в системном рассмотрении принципа правомерных (законных) ожиданий через призму его взаимодействия с институтами процессуальной справедливости, правовой определенности и добросовестности власти. В работе предпринята попытка синтезировать зарубежные теоретические концепции (такие, как немецкий принцип защиты доверия (Vertrauensschutz), французская

концепция юридической безопасности (*sécurité juridique*) или англо-американские законные ожидания (*legitimate expectations*)) с российскими правоприменительными подходами, а также определить критерии разграничения «законных» и «правомерных» ожиданий, что вносит вклад в развитие отечественной доктрины конституционного права. Кроме того, авторским вкладом является анализ прецедентов, демонстрирующих зависимость защиты ожиданий от характера государственных гарантий (индивидуальные заверения, устоявшаяся практика, нормативные акты), что расширяет понимание условий применимости принципа в публично-правовых отношениях" и проявляется в ряде заключений автора: "Анализ зарубежной судебной практики показывает, что законные ожидания формируются под влиянием различных факторов: публичных заявлений, устойчивой практики или нормативных актов. Разнообразие подходов к их признанию в разных правовых системах (от прямых обещаний до подразумеваемых гарантий) требует систематизации критериев, определяющих их законность и защиту. Это обуславливает необходимость классификации оснований возникновения законных ожиданий, которая позволит выявить универсальные принципы и особенности их применения в контексте национальных правовых традиций"; "Основным критерием оспаривания решений становится нарушение разумных ожиданий, порожденных действиями государства. Однако отсутствие единообразия в трактовке «правомерности» ожиданий, а также в подходах к учету субъективного элемента (осведомленности лица о существующей практике) оставляет вопросы о границах доктрины открытыми. Эти противоречия подчеркивают необходимость сравнительного анализа интерпретации законных ожиданий в различных правовых системах, что позволит выявить общие принципы и специфические подходы к обеспечению баланса между стабильностью правового регулирования и гибкостью государственного управления"; "Сравнительный анализ правоприменительных подходов к интерпретации концепции законных ожиданий в иностранных юрисдикциях позволяет прийти к следующим выводам. Общие принципы, лежащие в основе анализируемого принципа в большинстве правовых систем – это, во-первых, баланс интересов, предполагающий, что суды стремятся найти компромисс между защитой законных ожиданий, сохранением стабильности, поддержанием доверия к государству и гибкостью управления, предполагающей возможность пересмотра административных политик, учет изменяющихся общественных потребностей. Во-вторых, в большинстве проанализированных юрисдикций правоприменители стремятся учитывать общественные интересы: даже в странах с сильной защитой материальных ожиданий, таких, как Германия, Франция, суды допускают «разочарование» ожиданий, если это оправдано значимыми общественными целями. Логично, что и в Канаде, отвергающей концепцию материальных ожиданий, суды подчеркивают, что министр вправе нарушить ожидания, если это служит общественным интересам. Разница между данными правовыми системами состоит только в степени значимости обеспечиваемых публичных целей, противопоставляемых частным ожиданиям конкретного лица" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор рассматривает теоретические основы и практические аспекты применения принципа защиты правомерных (законных) ожиданий как ключевого элемента принципа поддержания доверия к действиям властей в контексте сравнительного правоведения, а также определяет его место в российской правовой системе. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 18 источниками (диссертационной работой, монографией, научными статьями, учебником), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы аргументированы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Анализ доктрины законных ожиданий в контексте различных правовых систем позволяет констатировать её значимость как инструмента баланса между интересами государства и правами частных лиц. Несмотря на историческое формирование в рамках английского судейского права, где акцент делался на процессуальных аспектах, современная интерпретация доктрины в зарубежных юрисдикциях демонстрирует расширение её материальной составляющей. Так, в немецком праве принцип *Vertrauensschutz* подчеркивает защиту доверия граждан к действиям власти даже при конфликте с законностью административных решений, тогда как во французской практике акцент смещается на компенсационные механизмы, а не процессуальные ограничения. Европейский Союз, напротив, интегрирует доктрину в качестве основополагающего начала, пересматривая действия государств-членов через призму законных ожиданий, возникающих из законодательства, политики или руководящих принципов. Критический анализ выявил ключевые противоречия: неопределённость критериев формирования ожиданий, конфликт с принципами верховенства права и рациональности государственной политики, а также избыточность доктрины в случаях, где её применение дублирует иные правовые механизмы (например, требование справедливости или последовательности). Практика Канады и Австралии, где материальные ожидания не получили широкого распространения, подтверждает, что защита доверия часто упирается в необходимость сохранения гибкости административного управления. Российская правовая доктрина, интегрируя зарубежный опыт, трансформирует концепцию в принцип поддержания доверия, разграничивая «законные» ожидания, основанные на нормативных актах, и «правомерные», вытекающие из целей и логики правового регулирования. Это позволяет учитывать как формальные критерии законности, так и этические императивы добросовестности государства. Таким образом, универсализация принципа защиты ожиданий требует не только унификации подходов, но и гибкости в оценке конкурирующих интересов, где соблюдение правового статуса *quo* сочетается с возможностью законодателя реагировать на общественные вызовы, сохраняя при этом легитимность государственной власти в глазах граждан" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере конституционного права, административного права при условии ее небольшой доработки: дополнительном обосновании актуальности темы исследования (в рамках сделанного замечания).